

С 1970-х годов, с появлением на русском языке целого ряда изданий "Книги скорби" Григора Нарекаци, в русской читательской и литературоведческой среде проявился все более возрастающий интерес к фигуре и творчеству гения армянского средневековья. Одним из ярких свидетельств того, что интерес этот жив и сегодня, предстает публикация на страницах высокоавторитетного журнала "Вопросы литературы" (2011, № 2) беседы доктора филологических наук Т. Геворкян с автором книги "Нарекациеведческие исследования" Г. Мирзоян. Работы, составившие книгу, в большинстве своем публиковались в нашем журнале, сама книга вышла в свет в издательстве ЕГУ. Учитывая это, а также и то, что в настоящее время московские журналы малодоступны нашим читателям, редакция сочла целесообразным познакомить их с этой содержательной беседой.

Г. МИРЗОЯН

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГРИГОРА НАРЕКАЦИ

Беседу вела Т. ГЕВОРКЯН

Грачик Казарович Мирзоян (р. 1940) – доктор философских наук, профессор. Сфера научных интересов – история армянской философии и литературы Средних веков. Автор пяти монографий и многочисленных научных статей и публикаций. Главный редактор журнала по общественным наукам “Вестник Ереванского университета”.

– В сентябре 2010 года издательством Ереванского государственного университета выпущена в свет ваша книга “Нарекациеведческие исследования”, под обложку которой легли статьи последнего десятилетия, так или иначе обращенные к наследию Григора Нарекаци и предлагающие принципиально новое прочтение его главного произведения – “Книги скорби”. Или, если сказать дипломатичнее, проливающие новый свет на недопонятые особенности “Книги” – будь то смысло- и жанрообразование, реальная подоплека аллегорического письма, композиционная стройность и целостность; наконец, само название, которое на русский язык переводилось как “Книга скорби” или “Книга скорбных песнопений”, тогда как дословно оно означает “Книга трагедии”. Личной трагедии автора – так вы это поняли.

С таким достаточно смелым и нетрадиционным пониманием пришли вы в нынешнее наречековедение. Исходили ли вы из научных разработок и достижений наречековедения, опирались ли на них? И что вообще нового и интересного происходило за последние десятилетия в этой важнейшей, можно сказать, отрасли армянской медиевистики?

– Главной предпосылкой моей работы нужно считать то, что в последние полвека именно в Восточной Армении наречековедение пережило бурный рост и расцвет. До середины XX века на пространстве бытования восточноармянского языка “Книга скорби” Григора Нарекаци практически не издавалась и не изучалась. Столетиями центром наречековедения являлся ареал западноармянского языка, где было осуществлено, начиная с 1673 года, около шестидесяти изданий “Книги”: в Константинополе, например, до начала XX века она издавалась 32 раза, в Венеции 13 раз, в Иерусалиме 6 раз. От издательской активности не отставал и исследовательский интерес к “Книге”: делались толкования и комментарии, попытки перевода с древнеармянского языка (грабара).

В ареале же восточноармянского языка – а ареал этот очень велик – армянские типографии были в Новой Джульфе, Эчмиадзине, Ереване, Александрополе, Калькутте, Тифлисе, Шуше, Астрахани, Ростове-на-Дону, Москве, Петербурге, Львове, наверное, и еще где-то, я мог что-то пропустить, – “Книга скорби” была издана всего один раз – в 1905 году в Тифлисе, к тому же не очень удачно.

После советизации Армении “Книга”, естественно, не издавалась, и лишь в 1955 году появился первый научный труд, докторская диссертация М. Мкрчяна, посвященный ее изучению. Ясно, что он нес на себе неизбежный отпечаток времени, но тем не менее это был прорыв, содержащий немало прозорливых наблюдений. Пятью годами позже М. Херанян впервые перевел “Книгу” на современный восточноармянский язык – и это был поистине большой и принципиальный шаг. Вслед за ним ее перевел В. Геворкян (мой университетский преподаватель, с которым я и после студенчества не терял связи).

Благодаря усилиям Л. Мкрчяна были подготовлены русские подстрочники отдельных глав “Книги” и привлечены переводчики, русские поэты, среди которых первым оказался Наум Гребнев, сделавший художественный перевод сначала отрывков, а затем 42-х глав “Книги”. За ним последовали переводы Л. Миля (Ереван, 1984) и Вл. Микушевича (М., 1985), представляющие “Книгу” уже целиком. Наконец, в 1988 году (М.: Наука) увидел свет не просто подстрочный, а почти дословный, научно откомментированный перевод “Книги скорбных песнопений” на русский язык, исполненный сотрудниками Института древних рукописей (Матенадаран) М. Дарбинян-Меликян и Л. Ханларян и предваренный вступительной статьей С. Аверинцева. Интерес к “Книге”, к самой фигуре Григора Нарекаци, вышел, таким образом, далеко за пределы Армении, и это, вне всяких сомнений, способствовало более пристальному изучению творчества средневекового армянского поэта и на его родине.

Хотя справедливости ради надо сказать, что самое, на мой взгляд, ценное, для меня лично просто бесценное, издание задумывалось и начи-

нало воплощаться в жизнь задолго до столь широкого интереса к Нарекаци. В 1968 году Институт литературы АН Армении поручил двум тогда еще молодым сотрудникам П. Хачатряну и А. Казиняну подготовить к изданию научно-критический текст “Книги скорби”. Они проработали над ним 15-16 лет, и только в 1985 году вышел в свет этот большой том, включивший в себя – помимо строго выверенного, путем сопоставления многочисленных источников восстановленного текста “Книги” – подробнейший комментарий, который дает возможность ознакомиться с высказываниями почти всех предшествующих нарекациеведов, большую вступительную статью с описанием как рукописных, так и печатных источников, а также изложением текстологических принципов и подходов. Я бы назвал эту книгу, давно уже ставшую для меня настольной, своеобразной энциклопедией нарекациеведения. И если все, о чем я говорил раньше, сыграло немаловажную роль в моей работе, то без научно-критического текста и еще, пожалуй, без научного перевода на русский, работа моя была бы просто немыслимой.

– И тем не менее ни в 80-х, ни в 90-х вы не занимались творчеством Нарекаци. Полагаю, кроме объективных предпосылок и условий понадобился еще какой-то стимул, может быть, внешний повод к тому, чтобы к 2002 году написались первая ваша нарекациеведческая статья. Так ли это?

– Ну, во-первых, не будем забывать, какие невзгоды обрушились на Армению в конце 1980-х, сколь неблагоприятным для научных занятий было все последнее десятилетие прошлого века. Но в 2001-м праздновалось 1700-летие принятия христианства как государственной религии Армении, а в 2003-м – тысячелетие “Книги скорби”. Понятное дело, к этим датам были приурочены новые исследования, проводились конференции, поднималась новая волна интереса и посвященности. И тут большую роль сыграл тот факт, что предыдущие десятилетия подготовили почву для серьезных научных изысканий.

Свою первую статью о Нарекаци я писал в достопамятном 2001 году и, не буду скрывать, вижу в этом некую символичность. Хотя, вы абсолютно правы, поводом к ее написанию стала, можно сказать, случайность. Впрочем, нередко рассуждая о случайности и необходимости, что мы доподлинно знаем о них? Вышло так, что мою статью (1996) о сановном священнике и поэте XII века Григоре Тга (Отрок), где я нахожу и расшифровываю в его произведениях тайнопись, содержащую автобиографические данные, прочел Н. Казарян и, воспользовавшись сходной методой, попробовал расшифровать строку 29 главы 29 “Книги скорби”.

Строка эта (в дословном переводе она звучит так: “Раз четырежды десять, да три, да девять полсотен”) давно привлекала внимание исследователей, многие пытались разгадать ее цифровое значение и давали самые разные толкования. Н. Казарян принес свою расшифровку загадочной строки в “Вестник Ереванского университета”, и я, как главный редактор, прежде чем решить вопрос публикации, стал проверять логику и путь его подсчетов, а заодно нашел и проанализировал целый ряд отрывков, содержащих “закодированную” автобиографическую информацию, в том числе

и ту, которая подтверждала полученное Н. Казаряном число. А число это – 945 – означало ни мало ни много год рождения Григора Нарекаци.

– *Вы хотите сказать, что расшифровка тайнописи подтвердила известную из других источников дату рождения поэта?*

– Нет, точная дата рождения до нас не дошла, она открылась только теперь – через текст “Книги”. Первым нашел ее не я, и я настолько не скрываю этого, что историю с расшифровкой Н. Казаряна привожу в своей книге – в большом подстрочном примечании к первой же статье. Но я устранил всякие сомнения в правильности полученной им даты, показав своими расшифровками, что она повторяется в тексте неоднократно, что ее косвенно подтверждают извлекаемые из того же текста цифры, указывающие на возраст поэта в тот или иной момент написания “Книги”. А писалась она три года (с 1000 по 1003 год), и писал ее 56-57-летний Нарекаци. Разумеется, с той или иной степенью приближения дату рождения поэта указывали многие исследователи и прежде, кто-то обозначал ее серединой X века, кто-то – серединой или второй половиной 40-х годов. Но прийти к согласию никак не удавалось.

– *А вот, например, в статье Л. Мкртчяна “Мятежный гений” указана не ориентировочная, а точная дата – 951 год. Но теперь, надо понимать, и она оказывается неверной?*

– Увы, это так, хотя именно она вошла в “Армянскую советскую энциклопедию”. Единственный, кто правильно назвал дату рождения Нарекаци до расшифровки тайнописи, был наш великий поэт и выдающийся филолог Паруйр Севак. Откуда он ее знал, осталось его тайной. Может быть, сказало то, что в аспирантские свои годы он занимался именно X веком армянской истории и литературы. Но так или иначе, в 1965 году он в статье “Григор Нарекаци” написал: “С его рождения до сегодняшнего дня прошло 1020 лет. За эти 1020 лет Армения породила не менее 20 поэтов, но величайшим среди них и поныне остается Нарекаци”. А еще в той же статье есть слова, которые очень импонируют мне, они поддерживали и направляли меня на протяжении всех десяти лет работы над текстом “Книги”: “До сих пор мы больше чувствовали Нарекаци, чем понимали, больше чтили его, чем ценили”. Я – в меру своих сил – пытался именно понять.

– *Мне бы очень хотелось хотя бы на одном примере показать нашим читателям саму технику расшифровки этой даты. Но то, что я нахожу в ваших статьях, либо теряется при переводе на русский, либо требует слишком пространной цитации. Можно ли этому горю как-нибудь помочь?*

– У меня есть одна дешифровка, пока нигде не опубликованная, которая, по-моему, вполне к этому случаю подойдет. Давайте посмотрим 3-ю главку 23-й главы. В оригинале (здесь и далее имею в виду научно-критический текст) она состоит из 18 строк:

Коли вижу воина, жду смерти,
Коли посланца – немилости,
Коли судебного писаря – заемного письма погибели,
Коли законоведа – проклятий,
Коли проповедника – отряхивания праха ног его,

Коли человека набожного – укорю,
Коли наглеца – огорчения,
Коли буду испытан водою заклѣтия, погібну,
Коли снадобіе испытанія приму, умру,
Коли замечу плоды добра,
Бегу как от мнимых своих злодеяній,
Коли поднятую [руку] вижу, сгибаюсь,
Коли пугало маленькое, содрогаюсь,
Коли легкий стук слышу, вскакиваю,
Коли на пиршество приглашен, дрожу,
Коли окажусь перед тобою, великим, ужаснусь,
Коли буду вызван на допрос, как воды в рот наберу,
Коли станут меня по закону судить, онемею.

В русском переводе главка здесь не заканчивается, и связано это с тем, что самые ранние дошедшие до нас списки “Книги” написаны прозой с делением только на главы. Так ли писал сам Нарекаци, мы не знаем. Очевидно только, что если это “проза”, то ритмизованная проза. Разбивка на строки, подсказанная ритмическим рисунком, и на главки сделана позже и не во всех изданиях одинаково. Иногда текст не оставляет сомнений в том, где начинается новая строка (как в приведенном выше случае), порой же дает почву для разночтений. То же и с водоразделом главок.

Но для нас важно сейчас то, что в оригинале эти строки с настойчиво повторяющимся зачином еще и графически выделены, то есть они всячески бросаются в глаза, а это один из возможных знаков того, что в них есть зашифрованная информация. Сначала идут 10 строк, начинающиеся словом “коли” (думаю, “если” здесь было бы уместнее), потом – одна строка с доминантным родительным падежом и отъединяющим предлогом “от” (все это вполне соответствует оригиналу, только там предлог оказывается еще и в выделенной позиции начала строки), а затем идут еще семь строк с начальным “коли”.

Попробуем посмотреть, каково цифровое значение всячески выделенного слова, которое в армянском языке состоит из трех букв – Е-հԴ-Յ. Буква “Е” соответствует цифре 5, “հԴ” (не обычное “Դ”, а “Դ” с придыханием, как в английском) соответствует 9, а “Յ” – 7. Поскольку все числа однозначные, то их надо, скорее всего, перемножить, а не складывать. Перемножив, получим 315. Такое число заключено в каждом “коли”. Но их до “отъединяющей” строки – 10. А значит, и полученное число должно быть удесятерено, то есть в первой части главки имеем 3150. Во второй части семь “коли”, и мы 315 должны умножить на 7. Полученные 2205 мы должны, подчиняясь грамматическому значению межевой 11-й строки, *отнять* от 3150 и – получить искомые 945. Обратите внимание, вычитание подсказано не только родительным падежом и предлогом, но и семантикой глагола “бегу” (от), единственного, к тому же, деятельно-динамичного глагола во всей главке.

– Убедительный и такой наглядный пример! Он меня настолько увлек, что захотелось даже кое-что от себя добавить. Ведь если бы мы еще не знали, что полученное число – это дата рождения автора “Книги”, то

прошительность всего отрывка глаголами первого лица единственного числа (вижу, жду, погибну, приму, умру, замечу и т. д.), отражающая ту же особенность оригинала, могла бы подсказать, что зашифровано здесь нечто непосредственно относящееся к авторскому “я”. С другой стороны, когда мы уже знаем, что тут дана дата рождения Нарекаци, мы решительно и, полагаю, справедливо отказываемся воспринимать затекстовое это “я” как некое обобщенное первое лицо, тождественное любому и каждому.

Приходится вслед за Л. Мкртчяном¹ и А. Казиняном² не согласиться с авторитетным мнением С. Аверинцева, писавшего, что авторское “я” в “Книге скорбных песнопений” “обязано явиться таким, чтобы любой единокровный автору читатель или слушатель смог повторить каждую жалобу уже от своего имени, отождествив свое “я” с авторским “я” всецело и без оговорок. Повторим еще раз – всецело и без оговорок”³. Другими словами, по Аверинцеву, в “Книге” не должно быть никаких примет “индивидуальной биографии”, никаких примет “исповедальной лирики”. Несогласие с ним обретает сегодня тем большее основание, что ваша работа равно опровергает как отсутствие исповедальности, так и отсутствие фактов “индивидуальной биографии”. Напротив, выявляет и показывает и одно, и другое. Так что же еще автобиографическое, кроме даты рождения, узнается из тайнописи и аллегорий?

– Ну, во-первых, мы узнаем о двенадцати плодотворных, творчески наполненных, исключительно деятельных годах жизни вардапета Нарекаци: это период с 980 по 992 год. Причем временной этот интервал он зашифровывает дважды – в главах 15 и 19. То, что произошло с ним в 992-м и кардинально изменило его жизнь, в аллегорической форме “рассказано” в 25-й главе:

Ибо, покуда шел я по жизни беззаботно, прямо и уверенно,
Слегка опасаясь лишь злосключений,
Вспоминая [о них] в краткую пору
между трудами и отдохновением –
Будто я уже достигнул его, –
Грянула зима, наступила в пору летнюю,
Налетела с вьюжными метелями и нарушила
Покой бурным натиском.

Дальше идет детальное описание кораблекрушения, печальные “плоды” которого, “словно памятник плача, / Уподобились”, как пишет Нарекаци, “мне” самому. Очевидно, жизнь в этот момент нанесла ему сокрушительный удар.

Какой?

Обращаясь к историческим источникам, находим единственное значительное событие, датированное этим годом, – избрание католикоса.

¹ См. его статью “Видел ли Нарекаци море?” в журнале “Литературная Армения” (1986, № 4).

² См. его статью «Лирический герой “Книги скорбных песнопений” Григора Нарекаци» в кн.: Русская и армянская средневековые литературы. Л.: Наука, 1982.

³ Аверинцев С. Роскошь узора и глубины сердца: поэзия Григора Нарекаци // Нарекаци Григор. Книга скорбных песнопений. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988, с. 16.

Причем два предыдущих года место католикоса пустовало. А в тексте “Книги” кающийся герой не раз упоминает о своих “притязаниях на престол”. Сопоставляя эти, а также другие факты, которые здесь не удастся, боюсь, перечислить, я пришел к выводу, что Нарекаци сделал неудачную попытку стать католикосом и в последующие годы между ним и вновь избранным католикосом Саркисом А Севанци сложились тягостные, тяжелые отношения.

Потерпевший поражение Нарекаци испытал опалу и гонения, но не утратил при этом надежды на то, что будет “обновлен” “ковчежец” его тела, а “разбитый корабль скорбной души” его будет “исцелен”. Но спустя пять лет грянула настоящая беда, снова (3-я главка 54-й главы) переданная в “Книге” через морскую символику, – здесь автор уподобляет себя человеку, сметенному страшной бурей, словно влекомому “помимо воли буйным бегом разлившихся весенних вод”, задыхающемуся и тонущему:

Подобно ему и я, жалкий;
Говорят – я не разумею,
Кричат – я не слышу,
Вопят – я не пробуждаюсь,
.....
Меня ранят – я не чувствую,
Лишенный, подобно мерзким идолам,
Влияния благих помышлений.
Однако в действительности моя [суть]
Много злее сути сего примера,
Гораздо ненавистнее и достойнее осуждения
И заслуживает быть преданной суду Христа.

На сей раз Нарекаци был лишен духовного сана, случилось это в 997 году и повергло его в глубокий и продолжительный кризис.

– *Вы выдвигаете такое прочтение как гипотезу?*

– Нет, я утверждаю, что *об этой своей трагедии и написал Нарекаци “Книгу”*. Написал, чтобы излить душу, искренне покаяться, как пишет он в 6-й главе, “чтобы выжечь гной, скопившийся в моих смертельных ранах, раскаленным железом слов моих”, чтобы заслужить прощение и возвращение в лоно церкви.

– *То есть вы убеждены, что дошедшая до нас легенда о том, что Нарекаци хотели предать церковному суду, от которого он чудом спасся, имеет реальную основу?*

– Да. Но с двумя поправками. Не просто хотели предать суду, но и осудили. А чудо, содеянное им, было не в том, что он оживил зажаренных голубей, как гласит легенда, а в том, что он написал бессмертную поэму.

– *Очень смелое у вас прочтение, идущее вразрез с многовековой традицией. Но и убедительное. Остается удивляться тому, что современники и ближайшие потомки Нарекаци, которые знали историю его жизни и для которых смысл тайнописи и аллегорий должен был быть куда прозрачнее, не оставили свидетельств своего понимания “Книги”. Но об этом – чуть позже. А пока хотелось бы узнать, откуда и как выводите вы дату отлучения Нарекаци?*

– Из 2-й и 3-й главок 27-й главы. Там многократно (36 раз) повторено слово “грешен”, а еще там о покаянии - искреннем и добровольном, идущем “из глубин сердца”, – сказано как о единственном пути (“мост жизни”) к прощению и спасению. А признание своей вины, своей грешности и есть покаяние. Таким образом, слово “грешен” оказывается ядром этих главок. И не только смысловым, но и формообразующим. Ибо 18 строк начинаются и завершаются им. При такой выделенности слова возникает естественное желание поискать в нем зашифрованную информацию. Но она никак не извлекается. До тех пор не извлекается, пока мы не обратим внимание на строку, идущую следом за последним “грешен” 2-й главки. Над ней бились многие толкователи, ибо в ней глухо, но различимо звучит намек на то, что нечто должно быть разделено.

В русском переводе этот смысл, к сожалению, утрачен. А вот в большом комментарии к научно-критическому тексту, знакомящем с разными толкованиями строки, сказано еще и то, что это “разделить” относится к слову “грешен”. Оно в армянском языке состоит из пяти букв и заканчивается полугласным “й”. Судя по всему, в X веке термина “полугласный” в армянской грамматике еще не существовало (но его знали греки, а Нарекаци владел греческим языком), и именно поэтому дается подсказка, но уж после того, как она дана, странно было бы не понять, цифровое значение какой буквы надо ополовинить. Идя путем таких рассуждений, я и сложил цифровые значения пяти букв, разделив предварительно последнее из них пополам. А сложил, а не перемножил потому, что у первой буквы (“м”) и у последней (“й”) очень большое цифровое значение. В результате имеем: $200+5+90+1+(300:2)=446$. Эта дата дана у Нарекаци по армянскому календарю. Чтобы получить соответствующую ей дату по общехристианскому календарю, к ней надо прибавить 551. Отсюда – 997 год.

– *И вы находите своеобразную логику в том, что дату великого своего несчастья Нарекаци шифрует в покаянном слове “грешен”, видя в нем единственный путь к прощению?*

– Да, несомненно. Как несомненно и то, что осуждение и отлучение было. Тому свидетельством повторяющаяся форма чередой идущих молебственных вопрошаний, где выделенные мной “вновь” и “опять” очень, согласитесь, красноречивы:

Возможно ль увидеть меня,
разлученного большим расстоянием,
Вновь воссоединенным [с тобой]?

.....
Можно ль увидеть мне, злополучному,
Разрушенную скинию *вновь* восстановленной?
Можно ль уповать *вновь* увидеть меня,
Отверженного узника, освобожденным?
Можно ль, наконец, мне надеяться,
Что *вновь* оправлюсь я –
Я, лишенный света благодати твоей?

.....
Ужель узрю я, отвергнутая дикая овца,

Опять себя в пастве доброй воли твоей?

Он просит о *возврате* в лоно церкви Христовой, по-моему, это очевидно, и такому прочтению находится в тексте немало подобных же подтверждений.

Есть, правда, неточность в первой из процитированных строк, она и в толкованиях оригинала понимается чаще всего неверно - я об этом подробно пишу в одной моей статье. У Нарекаци имеется в виду не большой отрезок пространства (расстояние), а большой отрезок времени. На грабаре фраза эта формально дает возможность для разночтений. Но по смыслу-то как можно говорить о разлученности, а тем более воссоединении с Богом в пространстве? Ведь нонсенс получается, если не прямое кощунство. Думаю, там сказано: “Возможно ль увидеть меня, *давно* разлученного, /*Вновь* воссоединенным с тобой?” И это “давно” вполне объяснимо. Ибо после катастрофы 997-го прошло три года, прежде чем Нарекаци начал писать “Книгу”. Для глубоко верующего человека, выросшего, к тому же, и воспитанного в монастырских стенах, срок этот и должен был казаться очень долгим.

– И еще более долгим и мучительным, полагаю, он должен был показаться сыну отлученного от церкви, не покавшегося и умершего так и не прощенным отца. Ведь об отце поэта Хосрове Андзеваци нам доподлинно известно, что он был ученым богословом, а после ранней смерти жены принял монашеский обет и со временем стал епископом, влиятельным человеком своего времени, однако это не спасло его от церковного суда и отлучения от церкви. Получается, что Григор Нарекаци во многом повторил судьбу отца и, следовательно, после обрушившегося на него самого наказания не мог не возвращаться мыслью к его участи.

– Он и возвращался. И даже зашифровал в 68-й главе дату его смерти. Размышляя о том, где найти ему утешение и надежду, куда направить стопы свои, к какому благу протянуть руку свою, словом, ища и не находя поддержки, Нарекаци вдруг встраивает в текст такой вот фрагмент, который, на мой взгляд, объясняет, почему не находится искомая опора:

Ибо ведь с высот небесного свода -
Откуда полился дождем огонь на Содом,
Как речено было,
И ведь дно бездны земной -
Оно же разверзло пасть свою жадную
И поглотило войска Авирона с Дафаном...

Оговорю сразу: в оригинале сначала стоит имя Дадан – и именно в такой транскрипции. А вся главка в целом как бы повествует о времени, когда не было лирическому герою ни днем ни ночью покоя, когда нигде не мог укрыться он от своих терзаний, от “тайных мук изводящих”.

Я стал думать, не связана ли эта главка с отцом, отлучение и воследовавшая вскоре смерть которого не могли не мучить юношу Нарекаци. А из других источников известно, что тот умер не позднее 965 года, то есть сыну не было и двадцати лет. Предположение это как будто находило подтверждение в приведенном выше отрывке, где небесная кара (огненный дождь, испепеливший Содом) могла означать отлучение, а разверзшаяся земля, поглотившая Дадана с Авироном, – смерть Хосрова

Андзеваци. Но почему приводятся именно эти имена? Почему не Корей? Ведь именно он, согласно Ветхому Завету, взбунтовался против Моисея и Аарона, а братья Дадан и Авирон лишь присоединились к нему.

Разумеется, Нарекаци не мог этого не знать. Значит, следует думать, что ему зачем-то нужен был именно “Дадан”. Причем в таком именно написании. Хотя в грабаре сосуществуют два варианта: Дадан и Да-һт-ан, и второе, встречающееся чаще, стало единственным в современном армянском. После стольких указующих в сторону этого слова стрелок мне оставалось только сложить цифровые значения пяти букв (4+1+4+1+400) и получить 410 год по армянскому календарю, то есть 961 по общехристианскому.

Таким образом, прочерчивается пусть пунктирная, но достаточно четкая линия жизни Григора Нарекаци. Он родился в 945 году, в очень раннем возрасте потерял мать, в 16 лет тяжело пережил смерть отверженного, но не смирившегося отца, в возрасте от 35 до 47 лет разнонаправленно и плодотворно занимался литературной, церковной и общественной деятельностью, принесшей ему признание и высокий авторитет, позволивший претендовать на вакантное место католикоса; после неудачной попытки он провел при вновь избранном католикосе пять трудных лет, а затем, в 997 году, был лишен духовного сана. Этот удар, усугубленный еще и историей его отца, поставил поэта на грань помешательства, но спустя три года он нашел в себе силы начать “Книгу трагедии”, которую закончил в 1003 году и за которую был прощен и возвращен в лоно церкви.

– Но давайте все-таки попытаемся понять, как могла большая (и такая важная!) часть этих сведений оставаться до сих пор неизвестной. Неужели не сохранилось никаких свидетельств современников?

– Видите ли, отлучение сановного церковнослужителя было очень нежелательным шагом, даже ударом и для самой церкви тоже. К этой мере прибегали редко и неохотно. Об этом свидетельствует, в частности, открытое письмо к грядущим поколениям (исключительный случай в армянском эпистолярии!), написанное католикосом Анания А Мокаци, тем самым, который предал анафеме Хосрова Андзеваци. Он пишет, что со слезами на глазах просил Хосрова отступить от его заблуждений, не таясь говорит, что только и ждал покаянного слова, чтобы простить его и восстановить в сане, но тот, “укрепившись во зле”, отказался покаяться и ушел из жизни непрощенным.

Хотя Нарекаци, в отличие от отца, заслужил прощение, но их сдвоенный случай был, по-видимому, таким вопиющим, что имя Нарекаци надолго исчезло из оборота. В 1004 году, когда “Книга” была уже закончена, по заказу католикоса Саркиса А Севанци была написана история, где Нарекаци ни разу не упоминается. Никаких отзывов на его “Книгу” не появляется вплоть до второй половины XII века, а первый список с нее был заказан лишь в 1173 году – спустя 170 лет после ее написания!

Другой факт: учитель, а также старший брат Григора Нарекаци похоронены в притворе церкви, а сам он – далеко в сторонке; и могила его, ставшая со временем местом паломничества и поклонения, несколько веков имела самый жалкий вид, даже надписи на ней не было, и лишь в

1867 году ее привели в подобающее состояние. Все это говорит о том, что простить-то его простили, но надолго предали забвению и имя его, и “Книгу”, и могилу.

– Да, и еще косвенно это может говорить о том, что индивидуальная, если можно так выразиться, исповедальность действительно наличествует в “Книге” и что она была внятна современникам, а сановные священнослужители, высоко оценившие поэму *Нарекаци* и сохранившие ее для потомков, хотели, чтобы все личное и достоверно-историческое стерлось из памяти людей, чтобы ключ к тайнописи и аллегориям был потерян и “Книга” **осталась бы в веках как молитвенник, а не человеческая трагедия**. Ста семидесяти лет умолчания практически хватило для решения этой задачи, и лишь глухим отголоском правды донеслась до нас легенда о грозившем поэту церковном суде.

– Не могу не согласиться. Больше скажу: на мой взгляд, есть все основания полагать, что рукопись “Книги” хранилась все это время в родовой библиотеке Григора Магистроса – поэта, видного культурного и государственного деятеля. В 1066-м его сын стал католиком, и в течение 137 лет, вплоть до 1203 года, все католики были из этого могучего рода. И Нерсес Ламбронечи, заказавший первый список “Книги”, был тоже из этого рода. Очевидно, что в узком кругу посвященных поэму *Нарекаци* знали, читали и почитали. Но за пределы круга выпускать не торопились.

А в более поздние времена – об этом хорошо сказано у переводчика “Книги” В. Геворкяна – изучением, толкованием “Книги” занимались опять же церковнослужители, среди которых есть крупные арменоведы, но и в их случае основной взгляд и оценок была религиозная доктрина. В каждом отдельном вопросе они искали богословскую подоплеку. Дошло до того, что и авторское название было изменено, и “Книга трагедии” превратилась в “Нарек. Книга молитв” или просто “Молитвенник”. Со временем сложилась, вопреки, казалось бы, очевидности, стойкая традиция, поддержанная авторитетом первых исследователей, читать и воспринимать поэму *Нарекаци* почти исключительно как свод молитв.

Традиция эта держится до наших дней, и, споря с ней, я написал статью “Молитвенник или “Книга трагедии”?”, где на очень выразительных текстовых фрагментах показал, что мы имеем дело с повествованием о реально пережитой драме, которую гений армянского средневековья передал с такой силой психологического обобщения, с таким постижением общечеловеческой трагедии, что создается впечатление, будто нет в “Книге” ничего или почти ничего о жизни и судьбе самого поэта. Но это ложное впечатление, во многом навязанное, привнесенное извне. “Ничто великое в мире не совершалось без страсти”, – сказал Гегель, и “Книга” *Нарекаци* сильнейший аргумент в пользу этого утверждения. А от того, что породившая “Книгу” страсть скрыта аллегориями и тайнописанием, еще сильнее и проникновеннее становится смысл поэта “слова к Богу из глубин сердца”.

– *Надо ли думать, что весь личностный подтекст поэмы прочитан вами?*

– Разумеется, нет. Думаю, прочел я лишь малую толику сокрытого в тексте. Прочсть все впору разве что целому научному институту. Дело ведь

в том, что нет единого рецепта, где искать тайнопись и как ее расшифровывать. Вот я привел примеры с повторяющимися, явно выделенными “коли” и “грешен”, но это отнюдь не означает, что в других аналогично организованных фрагментах тоже есть что-то зашифрованное. Но чтобы убедиться в этом, проводишь часы и дни (на самом деле – недели и месяцы) в прикидках и подсчетах, в перелистывании более ранних толкований и комментариев, в обращении к библейским именам и сюжетам. Иногда не формальный, а смысловой признак приводит к искомому фрагменту. Как это было с Даданом или, например, в 26-й главе, где четыре строки, шифрующие возраст автора, как бы насильственно вклиниваются в течение речи, разрывают ее нить, таким образом привлекая к себе внимание. А порой интуитивно нащупывается фрагмент, где надо искать цифровые значения. Я таких фрагментов чувствую много, но это не значит, что все они открыли мне уже свои тайны. Равно как и те, которые с очевидностью хранят в себе закодированную информацию, над которыми десятилетиями бьются специалисты, но пока безрезультатно.

Иногда личностное, как вы это обозначили, сказано прямым текстом, и тогда просто диву даешься, как можно не увидеть этого и не понять, как можно принять это за молитву. Вернемся еще раз к 6-й главе, где сказано, что пишется “Книга”, “чтобы выжечь гной, скопившийся в моих смертельных ранах”, чтобы “отрыгнуть бремя скопившихся в сердце недугов, кои причиняют душе острую боль”. А в 65-й главе читаем:

“Вот я рассказал о сокровенном моем, / Почитаемое мною осрамил, / Обнародовал тайны, / Сокрытое выявил, / Показал потаенное, / Собранное мною развеял, / Изрыгнул желчь горечи своей, / Выдал сделки со злом, / Выжал гной, накопившийся в язвах, / О глубине грехов своих рассказал... / Опухли на душе моей изъязвленной / Тебе, первосвященнику - Христу, я открыл, / Душу я свою не пощадил в беде...”

Ну, как еще прямее может сказать средневековый поэт о цели и итогах своего труда?

– Да, пожалуй, никак. Тем более что и “беду” свою он совершенно недвусмысленно назвал в следующей главке той же главы:

“И вот ныне ты, создатель всех тварей, / Сын Бога всевышнего, Христос, / Меня, здесь охаянного сими словами / И битого столькими ударами, / Ты не отдашь ведь **на повторный суд** (выделено мной. - Т. Г.) в тот великий день!”

– Вот именно. Но как-то так повелось, что, на все лады восхваляя поэтический гений Нарекаци, мы не вслушиваемся по-настоящему в слово поэта, не вникаем в его словарь, упускаем из виду словотворческую его деятельность. Почувствовав острую необходимость погрузиться во все это, я на каком-то этапе работы обратился к “Новому словарю армянского языка”⁴ (Айказян) и стал составлять список слов, засвидетельствованных в этом словаре текстами Нарекаци.

---

⁴ “Новым” словарь называется потому, что основатель Конгрегации Мхитар Себастици еще в 1749 году издал один том из составленного им 2-томного “Словаря армянского языка”.

– А как организован этот словарь, когда и где издан? Расскажите, пожалуйста, хотя бы вкратце.

– Создан он Конгрегацией Мхитаристов в Венеции. Трое видных арменоведов – Габриэл Аветикян, Хачатур Сурмелян и Мкртич Авгерян – работали над ним 50 лет и собрали материал на 12 томов. Из-за проблем с печатанием собранный материал пришлось ужать до двух томов, но и в таком неполном виде словарь этот, изданный в 1836–1837 годах, иначе как сокровищницей, кладом для арменоведов, историков, языковедов просто не назовешь.

Организован он так: к каждому слову дается толкование, а затем перевод на несколько языков – латынь, греческий, турецкий, часто на французский, арабский, даже на русский и персидский. К тому же там даны диалектные варианты слова. Но для моих целей самым ценным было то, что из оригинальных и переводных текстов, написанных на армянском языке начиная со времен создания Маштоцем алфавита, приводятся (с точным указанием источника) предложения, в которых использовано толкуемое слово. К некоторым словам приводятся десятки предложений, особенно там, где есть смысловые нюансы.

Например, к слову “лицо” из одного только Нарекаци приведено 19 словоупотреблений. В других случаях возможен только один пример, и тогда с большой вероятностью это первый по времени текст, где слово употреблено. Говорю о вероятности, а не о точности, ибо создатели словаря использовали 1000 источников – очень репрезентативный, но, разумеется, неполный свод. Я проштудировал весь словарь и написал статью “В мире слов Григора Нарекаци”, а приложением к ней дал список из 1770 слов, которые засвидетельствованы в словаре *только текстами Нарекаци*, из них 827 использованы в “Книге”, а 943 в других, более ранних, произведениях. А это означает, что словотворчеством Нарекаци занимался с самого начала своего пути, и мы можем проследить, как оно складывалось и развивалось. Среди слов, им изобретенных, такие, например, как первопричина, скрипка, труднопереводимый, эпидемия, неплодородный и многие другие. Разве не стоит нам об этом знать?

Однако это далеко не все. Работа со словарем позволила внести ясность в вопрос об авторстве “Краткого слова назидания”, произведения, которое с большим сомнением приписывалось Нарекаци. Составители словаря, приводя примеры из него, автора вовсе не называли. До недавнего времени считалось, что “Толкование Песни песней” было первым произведением, достоверно принадлежащим перу Нарекаци. Известно при этом, что его заказал поэту царь Васпуракана.

И я не мог не задаться вопросом: на каком основании стал бы царь обращаться с таким ответственным поручением к никому не известному монаху. Но текст “Назидания”, в котором есть девять упоминаний “Песни песней”, и не упоминаний даже, а размышлений, уже подсказывал ответ: потому и заказали “Толкование” Нарекаци, что написанное им “Назидание” привлекло к себе внимание зрелостью суждений. А окончательно доказать авторство Нарекаци удалось, сравнив словарный состав “Назидания” с “Книгой”. И доказательство оказалось настолько убедительным для

специалистов, что в авторитетное издание “Армянские книжники”, вышедшее в 2008 году, “Назидание” включено под именем Григора Нарекаци, – я сам подготовил текст на основе трех рукописей и четырех печатных изданий, а также написал предисловие.

Словарный анализ позволил выяснить и то, что около 700 слов, впервые засвидетельствованных у Нарекаци, и в особенности в его “Книге”, встречаются в последующие столетия – в том числе и в те полтора века, когда имя поэта было как бы забыто, – у самых выдающихся деятелей культуры, одним из которых был Григор Магистрос (о нем мы уже говорили): у него обнаруживается 29 слов, употребленных впервые Нарекаци, причем десять из них в “Книге”. Таким образом, становится очевидным могучее влияние Нарекаци – даже замалчиваемого – на литературу XI–XII веков, а к тому же еще больше заостряется внимание на причинах замалчивания.

И, наконец, еще одно, чему помогла работа со словарем. Среди нарекациеведов до последнего времени не было уверенности, что все 95 глав “Книги” принадлежат перу Нарекаци. Считалось, что четыре главы могли быть написаны позже, уже после его смерти. Между тем две из них – 92-я и 93-я – настолько важны для понимания поэмы в целом, роль их настолько велика в композиционном строении, что даже малейшее сомнение в авторстве влекло бы за собой разрушительные последствия. Сейчас, после тщательного изучения словаря, сомнения эти устранены, и я считаю это большим достижением.

– Неужели никто до вас не занимался словарной работой?

– Нет, почему, изучением языка занимались многие. А академик Г. Джаукян, с которым связывали меня многолетние добрые отношения, даже говорил мне, что еще в 1970-е годы составил список слов, впервые использованных Нарекаци. В. Аракелян, написавший книгу “Язык и стиль Нарекаци”, просил разрешения дать ему этот список приложением к своей книге. Но Джаукян не дал, думая, вероятно, использовать его как-нибудь иначе, а потом список этот затерялся. Не знаю, чем он пользовался при его составлении, так что путь к своему словнику мне пришлось нащупывать самому.

– Я не люблю громких слов, но как тут не сказать, что ваша работа это самое настоящее открытие в нарекациеведении. Как не поразиться тому, что через тысячу лет можно прочитать памятник литературы как бы впервые, пытливым, свежим, ничем не замутненным взглядом? Обо всех аспектах сделанного вами мы, к сожалению, поговорить не успеем. Но еще об одном очень хотелось бы спросить. Вы упомянули о композиционной роли двух глав. Расскажите об этом немного подробнее.

– У меня есть статьи, посвященные построению поэмы, и в них я говорю о том, как неразрывно связано с новой точки зрения увиденное содержание с композиционным строением.

Нарекаци строит свою книгу по подобию Литургии: две части и финальный апофеоз. Первая часть (до 54-й главы) это взволнованный разговор о телесных и душевных слабостях, пороках и недугах человека как существа земного. Не случайно именно здесь обнаруживается боль-

шинство автобиографических сведений. Во второй части (главы 55–93) прочерчивается тернистый путь самопреодоления, очищения, достижения горных высот. Последние две главы – это торжество света, всеохватное ликование. Только, по моему глубокому убеждению, это не те две главы, которые обычно замыкают поэму, а две предыдущие.

Первоначально, думаю, “Книга” состояла из 93 глав и завершающими в ней были нынешние 94-я и 95-я главы. Спустя некоторое время, заслужив прощение и восстановление в прежнем духовном сане, Нарекаци написал финал – нынешние 92-ю и 93-ю главы. Они отличаются от всех остальных. Может быть, потому и казалось, что не Нарекаци их написал, или написал он, но не для “Книги”. Но когда уже понято, о чем и в связи с чем она написана, главы эти воспринимаются как единственное логически и эмоционально точное завершение “многовещательной исповеди” великого поэта. Одна из них названа “Молитвой, написанной в виде толкования таинства клепапа - дерева блаженного и благоденственного”, другая - “Молитвой, толкующей о светоносном святом елее-мире”. Колокол (его в древней Армении делали из дерева) и елей. Вот так – под звуки колокола, снова позвавшего его в храм Божий, с просветленным “через помазание елеем” “ликом души” – словами благодарности, “из глубин сердца” идущими к Богу, заканчивает свою “Книгу” Григор Нарекаци:

Слава тебе, имя беспредельное
и могущество необъемлемое,
Что с такой изобретательностью
Попекся о спасении моем <...>
Ты не погрузил меня в сон,
Словом ласковым услаждая,
Но не утратил также душу страждущую мою
Беспошадной суровостью.
Коленопреклоненное обожание тебе, о творец всех...
(глава 92)

Мне бы очень хотелось увидеть новое издание “Книги” с восстановленной последовательностью заключительных глав (однажды ее в таком виде уже издавали, но то был эпизод, не имевший, увы, продолжения) и с постраничным, в параллель тексту идущим комментарием, раскрывающим все библейские аллюзии и – пусть не покажется это нескромностью - автобиографическую подоплеку аллегорий и тайнописи. Чтобы читая и почитая “Книгу”, ее еще и понимали бы во всем богатстве Смысла и Слова.

г. Ереван, октябрь 2010

«Вопросы литературы»
Март–апрель 2011